

– Мамед Мюршидович, ваша судьба – живая иллюстрация нашего бурного, подчас трагического времени. Вы уехали из Азербайджана и стали профессором одного из лучших турецких университетов. Вы незаурядный поэт, настоящий художник слова. Как отразилось то драматическое время, что вы пережили, в вашей судьбе, ваших стихах?

– Елена-ханум, ваш вопрос содержит в себе массу нюансов, но вначале хочу ответить своим стихотворением:

Слагаем песни о чужбине,
В них – новость или старина?
А в судьбах Родины отныне
Мы – быстротечная весна.

Пройдут и эти дни тугие,
Но так далек свиданья час:
Из дальних далей ностальгии
К вам вести не дойдут о нас.

При жизни нас из жизни вынут,
Произведут поспешный суд,
От нынешнего дня отринут,
Столетиям в руки отдадут*.

Как вы верно заметили, драма переходного времени отразилась не только в моих стихах, она стала причиной разрушений и в моей личной жизни. Я вынужден был оставить родину, которую любил больше жизни, и поселиться на чужбине. И теперь мне все кажется, что живу я среди тающих льдин океана...

---

* Перевод М. Синельникова.

На закате горбачевской перестройки я редактировал популярный в Азербайджане журнал «Молодость». И хоть это нескромно, но замечу, что многие тогда говорили, что я совершил революцию в азербайджанской прессе. Затем, после развала Союза, когда у нас победил Народный фронт, меня назначили председателем телерадиовещательной компании Азербайджана. Конечно, мне не следовало соглашаться... Но, как говорит пословица: «Если б знать, где упадешь, соломку бы подстелил». В общем, вскоре реальная власть вернулась к Гейдару Алиеву. Положение мое осложнилось. С меня стали требовать материалы порочащие Народный фронт, и передачи, хвалящие режим Г. Алиева. И мне тогда пришлось уйти... Три года я просидел без работы. Вокруг меня встала стена молчания, как будто поэта Мамеда Исмаила уже не существовало. Даже песни на слова моих стихов запретили передавать по телевидению и радио. И мои дети испытали на себе репрессии. Азербайджан – это моя родина, моя душа, но мне были созданы такие условия, что я вынужден был покинуть страну. И я уехал в Турцию. И до сих пор здесь живу.

– В вашей поэзии звучат и ноты высокого эпоса, и мелодии пронзительной лирики. Что вам ближе – героическое звучание стиха или нежное, интимное? Кто вы больше – эпик или лирик?

– Несмотря на то что иные критики относят лирику и эпос к разным стилистическим пластам, однако, по моему мнению, у них единый язык. Моя лирика – память. Свои стихи я черпаю из энергетических глубин эпического мышления народа, из фольклорных источников. Притом, что образы многих моих стихов – это образы сегодняшнего дня, и мои герои – нынешние герои. Но они приходят как бы из сказок, дастанов, легенд. Меня притягивает к себе некая энергетическая сила, исходящая из фольклора. Мне кажется, в сказках и дастанах сокрыто дыхание Всевышнего. Сами подумайте, может ли какое-либо произведение даже самого известного современного поэта сравниться с коллективной продукцией народа, поэзией эпического мира дастана... Даже самые полноводные воды могучей реки, зная о том, что, впадая в море, река потеряет свое имя, все равно стремятся к морю. Этой миссией река награждена с рождения. И поэт черпает силу в памяти народной и желает слиться с ней.

– Турция стала вашей второй родиной. Что вы можете сказать о стране в целом? Каков ее общий гражданский настрой, какова культурная атмосфера? Куда она направляется на крайне подвижной карте мира?

– Честно скажу, в Советском Союзе я через иностранную комиссию каждый год подавал заявку на посещение Турции. Но мне отказывали. Говорили, мол, в Турцию большая очередь – и посылали меня на Кубу, во Вьетнам, в Буркина-Фасо – только чтобы я не попал в Турцию. Я объехал 34 государства! У меня есть стихотворение на эту тему:

Во мне живут два берега,
С одного на другой смотрю с вожделением,
Я горловина пролива Дарданеллы,
Каждый сквозь меня проходит.

Я написал эти строки в 1985 году, когда был запрет даже на произношение слова «Турция». Почему я написал не «Берингов пролив», не «Стамбульский пролив», а «Дарданеллы?» Как будто мне кто-то шепотом сказал: «Пиши – Дарданеллы. Все равно ты там будешь жить». Через 12 лет после написания этого стихотворения я оказался здесь, вдруг очнулся – и вижу: иду по берегу пролива Дарданеллы...

Оказавшись у себя на родине, в Азербайджане, без работы, я поехал в Турцию за работой и нашел ее на берегу пролива Дарданеллы, в университете города Чанахкала. Не удивительно ли это? Вероятно, это судьба. Турция и университет Чанахкала – это предназначенное мне судьбой место жительства. В этом плане я считаю Турцию своей второй Родиной. Я родился и вырос в Азербайджане, в России получил образование. Обе эти страны мне дороги, обе сыграли в моей судьбе большую роль. И теперь вносит лепту добра в мою судьбу Турция. Народ здесь очень трудолюбивый. Нельзя сказать, что здесь не пьют, не курят, не употребляют наркотики, но вы здесь нигде не увидите пьяного или одурманенного наркотиками человека. Если вы взглянете на карту мира, то увидите, что Турция, как мост, объединяет Восток и Запад. По своему географическому расположению она выполняет роль моста между Востоком и Западом, Югом и Севером. На мосту сложно жить. А турки на этом раскачивающемся мосту живут уже тысячу лет, в сердцевине исторических войн, сражений.

– Назовите ваших любимых поэтов исламского мира, мировых авторов – и, конечно, русских. Кто является для вас некой путеводной звездой? Или вы стараетесь охватывать внутренним взором большие поэтические пространства и не отдаете предпочтение каким-то избранным именам?

– Любимых поэтов у меня много. Если начать с азербайджанской литературы, это Физули, Сабир, Мушвиг, Али Керим и другие. В анатолийской турецкой поэзии: Юнус Эмре, Насиб Фазил Кисакурек, Назым Хикмет, Ариф Нихат Асия, Али Агбаш. В мировой литературе: Байрон, Гете, Артюр Рембо, Рильке. Из русских поэтов наиболее мной любимые: Михаил Лермонтов, Тютчев, Анна Ахматова, мой близкий друг Юрий Кузнецов и многие другие. Списки эти можно продолжить или же убавить. На сегодняшний день я считаю для себя самым близким человеком и поэтом Юрия Кузнецова. И мне кажется, что не только при жизни, но и после смерти дух моего переводчика Юрия Кузнецова меня оберегает. А поэта, которого я считал бы своей путеводной звездой, у меня нет.

– А кто ваши любимые прозаики и в русской, и в мировой прозе?

– На этот ваш вопрос отвечу длинным списком имен: Лев Толстой, Федор Достоевский, Гоголь, Набоков, Стендаль, Флобер, Гамсун, Цвейг, Моэм, Джек Лондон, Маркес, Айтматов, Джалил Мамедкулизаде, Мирза-Фатали Ахундов, Иса Гусейнов...

– В мире стал невероятно популярен турецкий писатель Орхан Памук. Как вы относитесь к его работам? Любите, принимаете, интересуетесь, спорите с ним?

– Я мог бы и Орхана Памука внести в список своих любимых писателей. В Турции к нему двойственное отношение. Есть люди, которые его любят, и есть те, кто его отрицает. И поэтому после вручения ему Нобелевской премии и в Турции, и в тюркоязычных странах это оценили неоднозначно.

Что же касается моего мнения, я думаю, Орхан Памук достоин Нобелевской премии. И потом, получение им Нобелевской премии ценно еще и потому, что ее, в лице Орхана Памука, вручили 350 миллионам турок. Конечно, эта премия делает честь тюркоязычной литературе. В этом плане Орхана Памука можно считать первопроходцем. Я от души желаю, чтобы на Нобелевскую премию были представлены и другие турецкие писатели. Но чтобы они при этом не изменяли своим взглядам, правде жизни.

– Как мировая и русская литературная критика восприняла вашу книгу стихов «Вместо письма»? На русский язык перевели ваши стихи замечательные поэты – Юрий Кузнецов, Александр Кушнер, Михаил Синельников. Как вы сами оцениваете эту работу? Составление «Избранного» всегда непростая задача для автора...

– И мировая, и русская литературная критика доброжелательно встретили мою книгу «Вместо письма». После ее выхода в «Литературной газете» появилась на нее отдельная рецензия. И в Азербайджане, и в Турции, и в Европе было высказано много интересных мыслей об этом сборнике. Книга была опубликована в Японии, Молдавии, Косове и Казахстане. Ожидается перевод книги и на другие языки мира. Хочу подчеркнуть, что все это благодаря качественной работе русских переводчиков. Если бы переводы моих стихов на русский язык были выполнены слабо, то навряд ли моя книга «Вместо письма» кого-либо заинтересовала. Но, разумеется, в книге наряду с удачными переводами есть и менее удачные. Как известно, перевод – дело сложное, стих, как отпечаток пальцев, неповторим. Недаром об этом удачно высказался Жуковский: «Переводчик стиха – соавтор поэта, автора, а переводчик прозы – его раб». Еще с молодости к работе переводчика я относился весьма серьезно. Об этом мной написано в эссе о покойном Юрии Кузнецове. Опубликовать в Москве сборник стихов – это не такое легкое дело. Помнится, когда в 80-х годах должна была выйти моя книга на русском языке, я снял ее с набора из-за некачественной работы переводчика. Но, в принципе, с переводчиками мне везло. Это видно и по книге «Вместо письма». Мои стихи в ней переведены на русский язык замечательными переводчиками. Среди них самые для меня дорогие имена – это Юрий Кузнецов, Александр Кушнер, Михаил Синельников. Кстати, в переводе Михаила Синельникова выходят в свет стихи еще одного турецкого поэта – Али Акбаша, с которой будет интересно познакомиться русскому читателю.

– Расскажите о состоянии современной турецкой поэзии. Кто вам ближе из авторов? На кого вы бы советовали обратить внимание русскому читателю, если у этих авторов есть переводы на русский и на другие языки?

– Турецкая поэзия неотделима от мировой. Мимо нее не прошли стороной модернизм, постмодернизм и другие «измы». Возьмем европейскую поэзию, которая на сегодняшний день почти вся – без знаков препинания, без рифмы, без ритма, или же современную русскую поэзию, которая не отошла далеко от классической. На сегодняшний день в России большинство поэтов, и среди них очень много хороших, предпочитают писать в классическом рифмованном стиле. К примеру – Михаил Синельников. Эти поэты не ищут новизны, подражая европейской форме написания стиха – без рифмы, ритмики, знаков препинания. Думаю, они считают, что погоня за формой может привести их в тупик. Они ищут свой путь в поисках новых мыслей, размышлений.

Не знаю, в чем причина того, что в Турции давно отошли от традиционного стиля стихосложения. Возможно, это происходит от близости этой страны к Европе. В действительности хоть в феодальном теле России, хоть в Турции капитализм – это незаживающая рана, и эта рана – в стихах народа, в его музыке и в других областях искусства проявляет себя. Истина заключается в этом. Исторические события, что проносятся «над головой» народа, несут с собой дублиаж, копии различных – иностранных – литературных течений. Почему я это говорю? Если мы взглянем на путь, пройденный турецким народом, то увидим,

что когда турецкий народ сам себе становится хозяином, тогда и национальная литература начинает процветать, а как только народ попадает под влияние инородной силы, то под ее влияние попадают и национальные литературные течения. К примеру, в седьмом веке нашей эры, во времена империи Гёктюрк тюрков, турецкая поэзия пользовалась стихотворным слогом *vezin*, а как только наступило арабское владычество, этот слог сменился слогом *eguz*. И даже великий тюркский поэт Мухаммед Физули сетовал, что размер *eguz'a* не согласуется с законами тюркской речи, но – «Что поделаешь, – говорил он, – в нынешнее время я вынужден писать свои стихи этим слогом. Из-за этого меня могут посчитать поэтом, пишущим по указке...»

Гегемония европейского капитализма и европейской культуры повлияла не только на культурное развитие России, но и на культуру всех тюркских стран, во главе с Турцией. Как мне кажется, *vezin* с точки зрения развития схож с деревом. Так же как небольшой росток, осуществляя свою жизненную миссию, становится впоследствии большим деревом, так и *vezin*, развиваясь, выполняет свою миссию в литературе. Как мне кажется, в турецкой духовной жизни *vezin* пока не до конца завершил свою миссию, и поэты этим слогом еще долго будут писать достойные стихи. На этот вопрос я так длинно ответил потому, что это и мое больное место. Поскольку на слуху у турок и сейчас – классическая поэзия, и еще не так давно турецкий народ знал наизусть стихи Юнуса Эмре, Карачаоглана, Ашуга Вейсели, Насиба Фазили, – и вдруг он окунулся в модернизм. Хотя и у этих новейших течений есть свои авторы-звезды. Не могу не упомянуть здесь талантливейшего поэта Орхана Вели. Он писал:

Оцепенев, я смотрю
Вслед уходящему кораблю.
Слишком прекрасен мир, –
В море броситься не могу.
Слишком горды мужчины, –
И расплакаться не могу.

Разве это не прекрасно? В этом стихотворении есть все – и судьба человека, и образность, и простота речи, и мысль. Значит, поэзия – это нечто... Нечто неуловимое, не поддающееся ни *vezni*, ни *eguz*, ни модернизму... Не форма – главное. Главное, чтобы стихи были хорошие, чтобы чувствовалась в них живая душа, мысль.

И у поэзии, так же, как и у моря, есть свои приливы и отливы. И если в настоящее время поэзия испытывает момент остывания, охлаждения, – не беда. Я знаю, придет день, и любовь к стиху вспыхнет в народе с новой силой. Ведь стих нам послан во всех священных книгах. Любовь к стиху – любовь к Всевышнему.

– Как долго вы осваивали турецкий язык? Ведь, хотя азербайджанский и турецкий языки принадлежат к одной ветви тюркских языков, все же между ними есть различия. Как вы преодолевали эти неизбежные трудности?

– Никаких таких больших трудностей я не испытал. Во-первых, потому, что я отношусь к турецкой культуре с большой любовью – к ее литературе, музыке, кино; во-вторых, в свое время я был участником создания словаря турецкого языка. Это мне помогло изучить турецкий язык досконально. В начале моей преподавательской деятельности в университете, когда студенты не понимали некоторые слова, которые

я произносил, я говорил им, мол, эти слова не мои, а ваших отцов и дедов. Они пришли в эти края, в Анатолию, из Средней Азии, и затем иные слова из-за лени растеряли в дороге. Я собрал эти слова в своей памяти и решил вернуть вам. Разумеется, это говорилось шутя, затем потихоньку я стал употреблять слова, которые слышал в детстве в Товуз-Огузском районе, язык жителей которого весьма близок к языку анатолийских тюрков. Если бы турецкий письменный язык принял за основу не стамбульское наречие, а наречие анатолийско-эрзрумское, то между нашими языками – азербайджанским и турецким – практически почти не было бы отличия.

– Мамед Мюршидович, расскажите, пожалуйста, о вашей семье, родителях и детях. Мне кажется, семья – это то пространство, которое спасает наш мир от разрушения. Это воистину Божье пространство. Дом – это микрокосмос. Каковы воздух, атмосфера вашей семьи, ее традиции и обычаи?

– Елена-ханум, вы просите меня рассказать о моей боли? Если я начну рассказывать о своей семье, то это будет равносильно пересказу романа. Я единственный сын моих родителей. Мой отец, еще до его женитьбы на моей матери, на почве защиты чести совершил преступление и на пять лет был осужден. А мать моя была самой красивой женщиной на свете. Она была в разводе со своим первым мужем – из-за того, что у нее не рождались дети. Выйдя из тюрьмы, мой отец написал моей матери письмо, что хочет жениться на ней. Мать моя ничего ему не ответила. Наконец мой отец, встретив ее на лесной дороге, загородил ей путь и спросил ее – зачем она не ответила на письмо. «Послушайте, брат, почему вы так настойчивы? – ответила ему моя мать. – Разве вы не знаете, что я не плодоносящее тополиное дерево, и поэтому не смогу быть вам подругой жизни»...

Такой ответ не обескуражил моего отца: «Послушай, дорогая, – сказал он, – если Бог захочет, то и тополиное дерево плоды принесет».

Ему удалось уговорить мою мать.

Они поженились, и через девять месяцев случилось чудо, тополиное дерево принесло плоды, родился на свет я. Когда мне исполнилось полтора года, отец ушел на Вторую мировую войну. На вокзале я уснул на руках у матери. Отец хотел меня разбудить: «Сынок, открой глаза, может, эта разлука последняя...» Но я не проснулся. Мне от отца, кроме его имени и крови, текущей у меня в жилах, ничего не осталось, даже его фотографии, чтобы я мог его представить, заплакать о нем. Мое стихотворение «Отцовское фото» так и заканчивается:

Сон младенца был снегом, и снег, белолик,
Рассыпался, касался лица...
Если б только глаза приоткрыть в этот миг,
Сохранился бы облик отца*.

Вот таким образом мать с сыном остались в селе одни. Если я скажу, что меня от войны, голода, нищеты не одна, а три матери спасли, поверите? Но это было так. После ухода отца мы вначале жили в избушке, которая раньше была пчелиным домом. Из окна этого домика внутрь днем проникал солнечный свет, ночью – свет луны. Я мечтал, ухватившись за лучи солнца, луны, подняться в небеса, улететь к звездам. Затем нам в колхозе выделили участок земли, где росло всего одно дерево.

* Перевод М. Синельникова.

Это была дикая яблоня. Во дворе у нас не было никакой живности, но в один прекрасный день моя мать принесла маленького ягненка. Я спросил, чей он, она ответила, что нашла его на дороге, хозяин не нашелся, вот она и принесла его домой. «Ты жалуешься, что у тебя нет ни брата, ни сестры, так возьми его, пусть он заменит их тебе». Ягненок вырос, стал овцой. В год два раза стал давать приплод, по два ягненка за раз. И таким образом, потихоньку, у нас во дворе образовалось небольшое стадо. И, однажды раскапывая землю под яблоней, мать нашла под деревом, в земле, желтое-прежелтое яблоко; она почистила, промыла, протерла его шалью и протянула мне: «Поешь, посмотри, какое оно на вкус». Я откусил яблоко, оно было сладкое как мед. И мать попробовала плодов этого яблока и сказала, что будем по осени собирать их. Вот так мы и жили: с одной стороны труд матери, с другой – молоко овцы и ее детеныши, и еще – яблоки дикого дерева. Вот так все они вместе – три матери – моя мать, овца и яблоня – спасли меня от голода, помогли вырасти. Как это назвать, если не судьбой?

Четверо нас было – дружная, добрая,
Тихая наша семья:
Это смешная овца белолобая,
Яблоня, мама и я.
Мать представляла красу человечества,
Яблоня – все деревца,
Я всех детей, все земное младенчество,
И всех животных – овца.
Самое доброе, самое близкое,
Как это все далеко:
Ласковость детская, боль материнская,
Яблочный сок, молоко...*

Однажды, возвращаясь из школы, мы с мальчишками подрались. Я одного повалил, другой отказался со мной драться, сказал:
– Как я могу с тобой драться, ты же больной!
Я разозлился:
– Ты сам больной, почему ты решил, что я больной?
– Если бы я был болен, то и на моей груди был бы пришит амулет, – ответил мальчик.

Мой школьный товарищ был прав. Мама постоянно пришивала к моей рубашке амулет, а я не обращал на это внимания. Я не знал, что сказать своему товарищу, который не пожелал со мной бороться. Вечером, когда моя мать пришла с работы из колхоза, я, плача, сказал ей:
– Сейчас же сними с меня этот амулет.

Мать вначале не захотела его снять, но затем, видя мою настойчивость, взяв ножницы, отпорол амулет с моей рубашки. Вначале она срезала ножницами кожаную обертку, затем тряпичную, предохраняющую амулет от дождя, снега, пота. Протянув мне клочок бумаги, сказала: «На, возьми, прочти». Я ответил: «А как я могу прочесть то, что написал молла по-арабски? Мы в школе не проходим этот алфавит». Оказалось, это было последнее письмо моего отца с фронта. Мать его пришила к моей рубашке как амулет, чтобы он охранял меня. Моя мама собиралась дать мне его прочесть, когда я научусь в школе читать и писать.

* Перевод А. Кушнера.

Однажды наша овца заболела, и наш сосед ее зарезал, чтобы мясо ее не пропало. Вернувшись из колхоза, мать запричитала над овцой, оплакивая нашу кормилицу: «На кого ты меня оставила?!» Ни я, ни мама даже куска ее мяса не смогли съесть.

Однажды осенью, среди ночи, нас разбудил ужасный треск. Мы с матерью кинулись во двор. Наша яблоня, под порывом ли ветра или же под тяжестью своих плодов, раскололась на две части и упала наземь. Зима в тот год обещала быть суровой. Дома у нас не было дров, чтоб затопить печь. И хоть я не раз предлагал матери нарубить дров с веток этой яблони, она не согласилась и, когда пришла весна, вырыла длинную яму и похоронила дерево, как человека. Таким образом, вероятно, эта была самая длинная могила на свете.

Мать затем сказала, что отцы говорят: «Бог троицу любит. Овца наша ушла, яблоня не выдержала бури. А теперь очередь за мной». Она сказала правду, моя святая мать, которая похоронила даже дерево, как человека... Прошло немного времени, и она ушла, оставила меня в этом мире одного. Я теперь как бы являюсь памятником их священного дара. Я – хлеб матери, сок яблока, молоко овцы... Где бы я ни был, духи их – рядом со мной.

– Что вы сейчас пишете? Поделитесь вашими творческими планами.

– Что касается творчества, у Блока есть замечательная фраза: «У поэта нет карьеры, у поэта есть судьба». Мне кажется, что эта ссылка на чужбину была мне послана Богом. Я многое здесь понял. Смог в другой среде, в другой атмосфере, среди других людей не потерять себя. Я благодарен Турции – стране, предоставившей мне работу и жилье. Пишу много: поэзию, прозу, занимаюсь переводами. Работаю над антологией современной турецкой поэзии. Выступаю на местном турецком телевидении, печатаюсь в местной прессе. Меня спрашивают: «Признайся, стихи, которые ты сейчас публикуешь, ты ведь давно их написал?» Я смеюсь – как же я мог их раньше написать? Все эти стихи написаны за последнее время. Это плоды моих раздумий о жизни и о себе. Несмотря на уже, можно сказать, почтенные годы, какое счастье, что сердце мое не очерствело. Бог не покинул меня, и вдохновение не покинуло. За последние 23 года на чужбине я сделал столько, сколько не сделал за предыдущие 50 лет на родине. Я свободный человек, а свобода любит поэтов.

– Есть ли у вас заветная мечта, и что вам нужно для ее осуществления?

– Я мечтаю, чтобы моя родина – Азербайджан – процветала.

Я мечтаю, чтобы на моей второй родине – в Турции – были мир и благоденствие.

Я мечтаю, чтобы человек на земле стал Человеком – не развязывал войны, не разделял народы, не засорял природу... Чтобы он любил жизнь и жизнь любила его.

С Мамедом Исмаилом беседовала Елена Крюкова